

Ноябрь 1988-го

Обычно Эдвард Бакстер добирался домой минут за пятьдесят.

Но только не в этот вечер.

Ехать еще двадцать пять километров, а машины уже почти час ползут со скоростью пешехода! Бакстер тащился за белым фургоном, стоп-сигналы которого упорно пылали красным. Дождь лил как из ведра, и стеклоочистители «Остина Маэстро» без усталости мотались туда-сюда.

Он вздохнул и перевел взгляд на пассажирское сиденье, где лежала книжка «Джеймс и гигантский персик», купленная для семилетней дочки. Мужчина представил выражение ее лица при виде подарка и улыбнулся.

Наконец, красные огни впереди погасли, фургон медленно тронулся, и Бакстер двинулся следом.

Не питая излишнего оптимизма, он осторожно повышал передачу, пока «Маэстро» не разогнался до пятидесяти километров в час, но его нога нервно подергивалась над педалью тормоза, на случай если белому фургону вздумается вот уже в тысячный раз остановиться.

Кроме фургона впереди, смотреть за бомбардируемыми дождем стеклами было особо не на что: слева — завеса черного-пречерного неба, справа — не менее черные шины грузовика.

Когда спидометр показал шестьдесят пять километров в час, Эдвард позволил себе чуточку расслабиться, надеясь, что худшее позади.

Увы, тщетно.

Стоп-сигналы фургона вспыхнули, и Бакстер надавил на педаль тормоза.

— Ну сколько можно! — простонал он.

Следующие десять минут его правая нога металась между газом и тормозом. О передаче выше первой и мечтать не приходилось, так что левой руке оставалось лишь празднично болтаться на рычаге.

Легкая тревога переросла в отчаяние. Только бы добраться до дома.

«Маэстро» мучительно прополз еще немного вперед, но осточертевший фургон снова встал. Эдвард тихонько выругался и, взглянув налево, заметил краешек синего знака с тремя диагональными полосами: триста метров до следующего съезда. Обычно Бакстер съезжал не здесь, но всяко лучше, чем еще десяток километров пробки.

Глянув в левое зеркало, он вырулил на обочину. Запрещено, конечно, но проехать всего ничего.

Несколько секунд спустя «Маэстро» уже мчался по съезду, прочь от магистрали, прочь от безнадежной пробки.

Наконец-то Эдвард свободен.

Во всяком случае, так ему казалось.

В час пик движение оказалось немногим быстрее, чем на трассе. К счастью, Бакстер знал, где можно срезать. Он преодолел две круговые развязки, еще километра три мучительно медленно ехал по забитому шоссе и, наконец, повернул налево на неприметную узкую дорогу, петляющую по сельской местности. Она доходила почти до самого дома, и о ней мало кто знал, чему Эдвард сейчас не мог нарадоваться.

Стремясь наверстать потерянное время, он разогнал «Маэстро» до шестидесяти пяти. Свет фар пробивал во тьме тоннель, освещая живые изгороди вдоль полосы грязного асфальта.

Крутой левый поворот застал Бакстера врасплох.

Он ударил по педали тормоза, и мирно покоившаяся на пассажирском сиденье книжка улетела вперед и сгнулась во мраке ниши для ног. Бакстер отвлекся буквально на секунду, но за это время машина успела войти в поворот.

Стоило Эдварду поднять взгляд на дорогу, и сердце его рухнуло в недра кишечника. Он вдавил педаль тормоза до упора, передние колеса заблокировало, и «Маэстро» понесло на мокром асфальте.

Ударь он по тормозам на долю секунды раньше, все сложилось бы иначе. Ничтожная малость.

Которой как раз и не хватило.

«Маэстро» взмыл над невысоким откосом, оторвавшись от земли всеми четырьмя колесами, и влетел в новехонькие широкие фермерские ворота — прогнившую деревянную конструкцию заменили на стальную лишь пару недель назад.

«Маэстро» с лязгом вмялся в ворота, и одна из металлических труб зазубренным концом пробила лобовое стекло.

И повисла тишина.

Эдвард почувствовал теплую влагу и увидел вошедшую в грудь под ключицей стальную трубу. Придись удар левее, он уже был бы мертв.

Утешение, впрочем, весьма слабое, поскольку он практически не мог дышать.

Жить оставалось совсем недолго, но Бакстера пугало не это. Он думал о жене и дочурке.

Муж. Папочка. Сегодня он не вернется домой. И вообще никогда не вернется.

Он задыхался, истекали последние секунды его жизни.

Пахло землей и бензином. Зеркало заднего вида мерцало желтым. Огонь, понял Эдвард.

Веки его дрогнули, и он испустил последний вздох.

Уже покидая телесную оболочку, он ощутил чье-то присутствие. Быть может, помощь? Слишком поздно, подумал Бакстер.

И тут послышался шепот, хотя он и не был уверен, что это не игра воображения, жестокая шутка лишенного кислорода мозга.

«Мы присмотрим за ней».

То оказались последние звуки, что услышал Эдвард.

В его сознании еще успел возникнуть вопрос: «Кто вы?»

Ответа, однако, он уже не дождался.

Вспыхнувшее пламя оставило от «Маэстро» и его водителя лишь скелеты.

Из праха в прах.

Спальня Бет Бакстер.

Наши дни

1

В детстве я обожала ложиться спать.

Лежала себе в кроватке, а папа сидел рядышком и читал вслух. Каждый вечер мы на полчаса погружались в собственный сказочный мирок — это было наше время, наш мир.

Потом папа целовал меня, выключал свет, а я сворачивалась под пуховым одеялом, чтобы увидеться во сне с прекрасными принцами, единорогами и котами в шляпах.

Мне было семь лет, когда отец вышел из моей спальни и больше не вернулся. Мой мир разом опустел, и я стала читать сама, чтобы заполнить эту зияющую пустоту.

Я росла замкнутым подростком, довольствуясь исключительно собственным обществом. С каждым годом воспоминания об отце, как и детские мечты, неумолимо тускнели.

Осталась лишь любовь к книгам.

В должный срок подросток превратился в девушку. Но, пока мои сверстницы предавались фантазиям о красавцах на пляжах Айя-Напы или Ибицы, я грезила об Оруэлле, Вулф и сестрах Бронте.

Моя любовь к книгам переросла в одержимость.

А потом, неким непостижимым образом, жизнь взяла и с пугающей скоростью прокатилась мимо. Вот я в мантии и академической шапочке позирую для выпускной фотографии на ступенях Даремского университета, а в следующий миг, уже тридцатишестилетняя женщина, живу

с Карлом, специалистом по архитектурному планированию из Кройдона.

Какое бы будущее мне ни рисовалось в юности, вряд ли оно выглядело вот так.

— Да мать твою, Бет, давай не будем, а?

Я усаживаюсь в кровати, скрестив руки.

— Нет, будем. Меня уже вконец достало натекать по всему дому на твоё грязное бельё!

Мой тридцатилетний жених закатывает глаза, словно капризный подросток.

— Какого черта, — бурчит он. — Я устал.

Переворачивается на бок и кутается в одеяло. Вскоре спальню оглашает его храп.

Такая вот у меня жизнь.

Уже месяц, как статус Карла сменился с парня номер пять на жениха. Мы вместе уже больше четырех лет, и, хоть я и согласилась выйти за него замуж, мне все же недостает уверенности, что я действительно люблю его. Коли на то пошло, я вообще не уверена, что знаю, что такое любовь.

В юности я черпала свои ожидания с желтоватых страниц потрепанных книг. Я надеялась на отношения Джейн Эйр и Эдварда Рочестера из «Джейн Эйр», Элизабет Беннет и Фицуильяма Дарси из «Гордости и предубеждения», да хоть бы и Хитклиффа и Кэтрин из «Грозового перевала».

Если жизнь чему меня и научила, так это тому, что реальный мир — лишь бледная копия вымышленного.

Тем не менее Карл мне действительно нравится, очень. Его мальчишеское обаяние и легкомысленность уравновешивают мой всегдашний прагматизм. У него вообще масса достоинств, вот только сердце мое при его виде учащенно биться отнюдь не начинает. И я точно не теряю от него голову, если такое вообще еще бывает. Как ни прискорбно, еще ни один мужчина в мире не заставлял меня обмирать от восторга.

И все же, несмотря на склонность Карла бросать грязные — да, по-настоящему грязные! — трусы на полу ванной, он воплощает собой меньшее из зол.

Моим парнем номер один был Кевин — юнец, похитивший мою девственность. Хотя какое там похищение, скорее разбойное нападение. Сие знаменательное событие имело место в его спальне в новогоднюю ночь 1999-го, в последние секунды уходящего тысячелетия. Помню, я лежала и думала, каким же разочарованием все обернулось и как же чертовски больно. Физическая боль, впрочем, оказалась недолгой, равно как и сексуальная выносливость Кевина. Через три недели он меня бросил, но душевная боль длилась куда дольше восьмидесяти шести секунд.

Парнем номер два стал Дэнни, мы встречались больше года. Я познакомилась с ним на втором курсе, и нас сразу же сблизила любовь к литературе. Выходные мы, как правило, проводили в постели — читали, курили французские сигареты, заказывали еду и время от времени занимались любовью.

Я вправду считала, что он-то и может оказаться «тем самым», вплоть до момента, когда без стука вошла в его комнату в общежитии и застала его делающим минет своему куратору Филипу. Я, естественно, была потрясена до глубины души, зато стало ясно, почему Байрон и курица-карри неизменно вызывали у Дэнни куда больший энтузиазм, нежели секс со мной.

После некоторой паузы, в двадцать два года я начала встречаться со Стюартом. То были мои первые настоящие взрослые отношения. Мы встречались одиннадцать месяцев, потом съехались, и следующие пять лет я только и гадала зачем. Стюарту удалось развеять еще оставшиеся у меня предубеждения о мужчинах, и отнюдь не в хорошем смысле.

У него напрочь отсутствовала романтическая жилка, и наша интимная жизнь была пресной, как молочный суп. Еще у него имелся пунктик по части личной гигиены, вплоть до того, что он отвергал любые мои сексуальные поползновения, если за десять минут до таковых я не принимала душ. Раз я предложила ему познать радость куни — серьезнейшая ошибка. Вместо того чтобы жадно

наброситься на мою интимную зону, Стюарт, выпучив глаза, принялся перечислять разнообразнейшие штаммы бактерий, что могли бы облюбовать мои гениталии в качестве пристанища.

Парнем номер четыре стал Энди. Чему я научилась от него, так это тому, что для страстных мужчин порой свойственно делиться этой самой страстью, и в его конкретном случае весьма обильно. Любовником Энди был крайне предприимчивым и в точности знал, на какие кнопки нажимать. Его губила многозадачность: он нажимал столько кнопок в стольких местах, что в конце концов это выходило ему боком. Он был как крэк, на который с легкостью подсаживаешься, а потом мучительно пытаешься слезть. Жаль, что Энди вскружил голову не мне одной. Мне он очень нравился.

И вот я с парнем номер пять. Со своим женихом, будущим мужем. Он отнюдь не совершенство, но, полагаю, я и сама далека от идеала.

Ростом я определенно не вышла, да к тому же падка на кондитерские изделия. Мои каштановые волосы до плеч скорее источник раздражения, чем достоинство, а мои голубые глаза некоторые считают чересчур холодными.

Но, как пела Глория Гейнор, я такая, как есть.

Я удобно устраиваюсь под одеялом и медленно погружаюсь в сон.

Восемь часов спустя я просыпаюсь в пустой постели. Карл всегда встает первым. Пробуждение его сопровождается бьющей через край энергией и раздражающим воодушевлением. Я, напротив, отхожу от сна медленно, потихоньку раскачиваясь. Мне по вкусу зеленый чай и классика «Радио 3», а Карлу — двойной эспрессо и попса «Кисс ФМ».

Я вяло бреду в ванную и принимаю душ.

Возвращаюсь в спальню и облачаюсь в старенькие джинсы и утративший форму черный свитер: удобство превыше моды. Стягиваю волосы в хвост и крашусь, целых две минуты.

Мельком осматриваю себя в зеркале. Сгодится.

Иду вниз, где Карл уже поглощает завтрак за столом на нашей отремонтированной кухне. Я говорю «нашей», но на самом деле кухня, да и весь дом, мои. Как, увы, и ипотека.

Я приобрела дом на Элмор-роуд, 14 в складчину с парнем номер три, Стюартом, почти десять лет назад. Это изящный викторианский дом с кухней и гостиной на первом этаже и двумя спальнями на втором, и я его просто обожаю. После расставания со Стюартом я спустила приличную часть отцовского наследства на выкуп доли своего бывшего. Деньги эти служили хоть и скудным, но все же утешением за безотцовщину, но без них у меня ни за что не получилось бы отделаться от Стюарта и сохранить обожаемый дом.

— Чайник вскипел, — рапортует Карл, жуя подгорелый тост.

— Спасибо. Радио не слишком орет?

Он пожимает плечами и снова утыкается в журнал.

Я убавляю громкость и завариваю чашку зеленого чая.

— Что за журнал?

— Про мотоциклы. Подумываю вот обзавестись. Глянь.

Он протягивает мне журнал, демонстрируя фотографию ядовито-зеленой машины смерти.

— Миленький.

Мне совершенно не интересно, но приятно, что Карл в кои-то веки читает что-то помимо газет, пусть даже разглядывает картинки.

— Красавец, а? — мечтательно изрекает он. — Разгоняется до ста километров за 2,6 секунды.

Пока Карл чахнет над фотографией, я принимаюсь за мюсли, но продолжаю разговор:

— И сколько такая зверюга стоит?

— Больше двадцати штук.

Я чуть не поперхнулась.

— Если не выиграем в лотерею, кроме фото тебе ничего не светит.

Он отвечает невинным взглядом.

— Может мужчина пометать или нет?

Я одариваю его улыбкой, и Карл возвращается к картинкам.

Да, он неисправимый мечтатель.

В семнадцать лет бросил колледж и основал агентство по организации праздников. Контора прожила восемь месяцев. Не смутившись, Карл приступил к осуществлению следующего грандиозного замысла. К началу третьего десятка он успел перебрать их немало. В конце концов его предпринимательский дух увял, и он смирился с карьерой в местном совете.

Карлу пришлось устроиться мелким клерком в архитектурно-планировочный отдел, но, к его чести, он смог сделать карьеру и два года назад дорос до специалиста по архитектурному планированию. Но продолжал мечтать даже среди строительных заявок и нормативов.

И это мне в нем нравится. Как-никак, каждому нужна мечта.

— Ладно, милая, побегу. — Возвращается он в реальный мир и поднимается из-за стола.

Подходит и целует меня в лоб.

— Наверное, буду поздно, — предупреждает Карл. — В четыре встреча с застройщиком, наверняка затянется.

— Случайно не в пабе затянется?

— Ну, ты меня как облупленного знаешь, милая, — подмигивает он. — Поэтому-то из тебя и выйдет безупречная миссис Паттерсон.

Я плетусь к раковине и мою миску. Карл прижимается сзади, обнимая меня за талию.

— Так когда назначим дату? — мурлычет он.

— Еще думаю. Но мне нравятся свадьбы летом, так что, может, в июле.

— Хм, сомневаюсь, что выдержу десять месяцев.

С самого момента предложения руки и сердца Карл, пожалуй, проявлял чрезмерное рвение касательно даты нашего бракосочетания. Дай ему волю, мы бы шествовали к алтарю уже на следующих выходных. Я же предпочитаю не торопиться и продумать торжественный день со скрупулезностью военной операции. Впрочем, психиатр наверняка нашел бы более глубинные причины такой неторопливости.

Я разворачиваюсь и кладу руки ему на плечи.

— Удача улыбается терпеливым, Карл.

Он морщится так, что смягчился бы и кремень. Карл милый, словно щенок, и долго дуться на него просто невозможно.

— Как скажешь, — смиряется он. — Только не смалодушничай.

Я глажу его растрепанные светло-каштановые волосы.

— Ни за что. Обещаю.

Он отвечает долгим поцелуем.

— Ладно, мне пора. До вечера.

Хватает журнал и испаряется с кухни. Пару секунд спустя хлопает входная дверь.

Счастье материнства мне до сих пор неведомо, но, сдаётся мне, порой это облегчение, когда дети отправляются в школу и в доме водворяется тишина. Уход Карла вызывает схожее чувство.

Я смахиваю крошки со стола и ставлю тарелку Карла в раковину. Какой бы аппетитной ни была у него задница, пожалуй, я предпочла бы ей чуточку опрятности.

Допиваю чай, надеваю пальто и, наскоро проверив содержимое сумочки, выхожу на улицу.

На небе ни единого облачка, прохладный воздух бодрит. Осень, однозначно, мое любимое время года. Потом идет зима, весна и последним лето. По мне, уж лучше холод, когда можно согреться, чем жара, с которой ничего не поделаешь. Не нахожу ничего приятного в постоянной жаре, скуке да липком поте. Нет уж, лето точно не для меня.

Пройдя метров двадцать по Элмор-роуд, я отпираю брелоком свою машину и приостанавливаюсь, удовлетворенно обозревая свой новый желтый «Фиат 500». Я говорю «новый», но в действительности ему девять лет. Я стала его счастливой обладательницей чуть более месяца назад, при обстоятельствах, которые до сих пор вызывают у улыбку.

Предыдущая машина, раздолбанная старенькая «Фиеста», с треском провалила очередной техосмотр. Механик попросту обозвал ее «потенциально опасной». Пару дней я безуспешно искала замену в рамках своего скудного

бюджета, а на третий день у дома меня поджидал этот «фиат», украшенный гигантским алым бантом. Карл, якобы убывший на работу десятью минутами ранее, гордо стоял рядом, держа открытой пассажирскую дверцу.

В бардачке обнаружился паспорт машины на мое имя. Но на этом сюрпризы не закончились: еще там лежала коробочка с обручальным кольцом. Когда я повернулась к Карлу, он уже стоял в коленопреклоненной позе, и прозвучал сакраментальный вопрос. Разумеется, я ответила: «Да». Как можно было отказать?

Как оказалось, за неделю до предложения Карл выиграл в моментальную лотерею десять тысяч фунтов. Я не могла не поинтересоваться, позвал бы он меня замуж, не свались на него такая куча денег? Новоиспеченный жених клятвенно заверил, что да, хотя, подозреваю, тогда бы кольцо искрилось фианитом, а не бриллиантами. А уж о том, на какой дерьмовой тачке я бы сейчас разъезжала, и думать страшно.

С такими мыслями я устраиваюсь за рулем «фиата», благодарно хлопав по приборной панели, в необычно хорошем настроении для утра понедельника, и уже через десять минут паркуюсь за магазином, точнее, за своим магазином.

Я закончила университет в 2003-м с дипломом англиста, весьма смутно представляя, что с ним делать. Преподавание, журналистику и рекламный бизнес я отвергла почти сразу. Спросила совета у матери, и та поделилась со мной крупицей мудрости, некогда преподнесенной ей моим отцом: займись любимым делом, и не надо будет работать.

К началу 2004-го я решила воплотить отцовскую мудрость — и его деньги — в нечто материальное и открыла «Бакстерс букс». Предприятие съело половину наследства.

День открытия магазина я помню как вчера. Воодушевление, азарт! И то, и другое, увы, объяснялось наивностью.

Стеллажи ломились от тысяч новых книг, издающих божественный запах свежей типографской краски. Несколько лет казалось, что моя волшебная мечта сбылась.

А потом вошли в моду покупки через интернет.

Словно этого было мало, какой-то гений решил, что бумажные книги больше ни к чему, и рынок наводнили электронные читалки.

К 2011-му касса начала покрываться паутиной, и мне пришлось сократить персонал до одной продавщицы. Через десять месяцев я уволила и ее и стала вести дела в одиночку. Конкурировать с интернет-магазинами оказалось невозможным, так что я произвела радикальную перестройку бизнес-модели: полностью избавилась от новых книг и перешла на букинистику.

Божественный запах из магазина улетучился, уступив место душку отчаяния.

Миновало шесть лет, и сейчас мне с грехом пополам хватает лишь на скромное жалованье. Порой я еще ощущаю, что занимаюсь любимым делом, но по большей части это все же работа.

2

«Бакстерс букс» располагается в ряду из шести заведений в переулке на периферии городского центра. Три из них закрыты, и уже довольно давно. Кроме моего магазинчика, остались еще журнальный киоск и солярий. Мы трое пока держимся.

Впрочем, не все так плохо: арендная плата невысока.

Я выбираюсь из машины и принимаюсь рыться в сумочке в поисках ключей. И хотя всего лишь десять минут назад я убедилась в их наличии, уже на второй секунде раскопок меня охватывает паника. Ее природа для меня совершенно непостижима. Даже если я все-таки ухитрилась позабыть ключи, ну что из того, что придется съездить домой и открыться на двадцать минут позже? Можно подумать, что выстроится очередь.

Ключи отыскиваются, и из моей груди вырывается бессмысленный вздох облегчения. Я отпираю замок и с усилием тяну массивную дверь черного входа.

Задняя часть здания разделена на два помещения: комнату для персонала с тех времен, когда у меня действительно числился таковой, и довольно просторную

кладовую — когда было что хранить. Дверь из комнаты персонала ведет в торговый зал.

Я вешаю пальто и сумочку, ставлю чайник и направляюсь в зал, чтобы отпереть дверь. Очереди томящихся книголюбов, разумеется, нет.

Помещение моего магазина прежде занимал бутик, так что особо тратиться на оборудование не пришлось. Мне достался изготовленный под заказ прилавок, а дощатый пол был уже выморен и покрыт лаком. Я выкрасила стены в терракотовый цвет, и вдоль трех из них второй муж моей матери, Стэнли, сделал полки. Раньше в центре зала стояли четыре стола с грудями замечательных книжных новинок, но столы давно пылятся на складе.

Отперев дверь и повесив табличку «Открыто», я ныряю под прилавок, включаю плеер, и из вмонтированных в потолок динамиков раздается музыка. Акустическую систему установили прежние арендаторы, но, похоже, освобождали помещение в такой спешке, что позабыли ее забрать. Кто-то теряет, а кто-то находит. В лучшие дни мы в основном гоняли современный джаз для создания атмосферы утонченности. Ныне мне уже не до претензий, и я вставляю в проигрыватель диск Адель.

Затем возвращаюсь в комнату для персонала, завариваю чашку чая и снова иду в торговый зал. Встаю за прилавок и обзираю пустой магазин: лишь я, Адель да тысячи потрепанных книг.

Только около одиннадцати появляется первый покупатель, мужчина предпенсионного возраста, консервативно облаченный в кремовый свитер и коричневые брюки. Он перебегает от стеллажа к стеллажу наугад вытаскивает книги и, изучив несколько секунд, ставит обратно.

Он продолжает это занятие почти час, отобрав лишь пару книжек в мягкой обложке. Не знаю почему, но подобные марафонцы-копатели стали мне особо ненавистны, и я потихоньку начинаю закипать.

— Прошу прощения, сэр, — окликаю я его через зал. — Вы ищете что-то конкретное?

Посетитель оборачивается и отвечает: